

## Феномен цифровой дипломатии в международных отношениях и методология его изучения

Наталья А. Цветкова

*Санкт-Петербургский государственный университет,  
Санкт-Петербург, Россия, n.tsvetkova@spbu.ru*

*Аннотация.* Статья оценивает итоги развития такого явления в мировой политике, как цифровая дипломатия, и освещает ход дискуссии о научных подходах к изучению данного феномена. Цифровая дипломатия как правительственный механизм влияния на пользователей социальных сетей начиная с 2009–2010 гг. прошла два этапа в своем развитии, меняя концептуальный фундамент (от «мягкой силы» к «острой силе»), подходы (от распространения позитивного имиджа государства к распространению негативных постов о целевых странах), методы влияния на интернет-аудиторию (от прямого диалога к созданию идеологически противоположных пабликов и обострению дискуссий). В 2018–2020 гг. цифровая дипломатия вступила в третий этап развития, когда искусственный интеллект и обработка больших данных стали ее частью, способствуя проведению политики информационного противостояния. Автор рассматривает теории реализма и конструктивизма, которые применимы для исследования цифровой дипломатии, и на примере Сирии и Венесуэлы показывает, как анализ хэштега (hashtag tracking), сетевой анализ (network analysis), сентимент-анализ (sentiment analysis), а также анализ мнений и взглядов (opinion mining) могут использоваться при изучении цифровой дипломатии отдельных стран.

*Ключевые слова:* цифровая дипломатия, США, Россия, международные отношения

*Для цитирования:* Цветкова Н.А. Феномен цифровой дипломатии в международных отношениях и методология его изучения // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 2. С. 37–47. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-2-37-47

## The digital diplomacy as a phenomenon of international relations: Research methodology

Natal'ya A. Tsvetkova

*Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia,  
n.tsvetkova@spbu.ru*

*Abstract.* The article discusses the digital diplomacy in terms of historical development in world politics and in terms of conceptual approaches relative to the study of the digital diplomacy. The digital diplomacy as a government mechanism to have an impact on users of social networks has been examined through two stages in its development. During the periods of 2019–2012 and 2013–2017, the digital diplomacy modified its conceptual fundamentals (notably from the concept of soft power to the concept of sharp power), revised its approaches (notably from the dissemination of a positive image of a state to the spreading of negatively toned messages about the target countries), and amended its ways so as to influence the users (notably from the establishment of a direct dialogue to the establishment of ideologically opposing publics that amplified discussions). During the period of 2018–2020, the digital diplomacy entered the third stage of the development, when AI and big data became a cohesive part of the digital diplomacy and contributed to the politics of informational deterrence. The author also examines the theories of realism and constructivism that are relevant to the study of the digital diplomacy. The cases of Syria and Venezuela demonstrate the application of the hashtag tracking, network analysis, sentiment analysis, and opinion mining in the study of digital diplomacy.

*Keywords:* digital diplomacy, United States, Russia, international relations

*For citation:* Tsvetkova, N.A. (2020), "The digital diplomacy as a phenomenon of international relations: Research methodology", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 2, pp. 37–47, DOI: 10.28995/2073-6339-2020-2-37-47

### *Введение*

Цифровая дипломатия как правительственный механизм влияния на пользователей социальных сетей появилась в системе международных отношений примерно в 2009–2010 гг. Именно тогда государственные структуры таких стран, как США, Россия, Франция, Германия, Китай и Иран, приступили к созданию официальных учетных профилей (аккаунтов) на платформах *Facebook*,

*Twitter, YouTube* и др., а международные медийные компании, включая *Voice of America, Russia Today* и *PressTV*, запустили первые цифровые каналы вещания в социальных сетях.

Развитие цифровой дипломатии можно разделить на два этапа. Первый этап – это 2009–2012 гг., когда цифровая дипломатия продвигала позитивный образ государства, а концепция «мягкой силы», состоящая в привлечении целевой аудитории при помощи убеждения, диалога и пр., использовалась как императив для нарождающегося феномена. Тогда еще не существовало идей о стратегии цифровой дипломатии или цифровых информационных кампаниях, перед ее организаторами ставились тактические задачи, а такие современные понятия, как «большие данные» или методы анализа аудитории, не были у всех на слуху. Многие эксперты связывают развитие цифровой дипломатии в тот период с такими явлениями, как твиттер-революции, твипломаси (*twiplomacy*) и др. [Manor 2019].

Второй этап относится к 2013–2017 гг., когда появились новые методы анализа поведения пользователей социальных сетей, что сделало цифровую дипломатию крайне эффективным средством для проведения политических кампаний, выборов или протестных акций. Концепция «острой силы» [Nye 2018], использование больших данных, а также применение алгоритмов программирования для получения сведений о политической ориентации пользователей позволили многим акторам оказывать существенное влияние на пользователей. Идеи о продвижении положительного образа, «мягкая сила» и диалог стали считаться недостаточно эффективными и постепенно замещались пропагандой и информационными кампаниями, критикующими другие страны и правительства. Внешняя политика, процесс принятия решений, публичная дипломатия, информационные проекты и пр. стали опираться на данные о расстановке сил в социальных сетях, настроениях пользователей и их политических предпочтениях. Первые лица государств оказались втянутыми в различные дебаты по вопросам внешней политики в социальных сетях, что притягивало внимание уже миллиардов пользователей. Второй этап в развитии цифровой дипломатии связывают с президентской избирательной кампанией в США 2016 г. и обвинениями России в осуществлении целенаправленной цифровой дипломатии, которая повлияла на исход выборов. Все это существенно изменило цифровую дипломатию в глобальном масштабе [Tsvetkova 2019b].

Эти новые повороты в развитии цифровой дипломатии являются предметом данного исследования. Однако простой анализ ее эмпирической базы представляется нам недостаточным для

научного осмысления происходящих процессов в области цифровизации международных отношений. Методологические аспекты, в том числе научные методы анализа и концептуальные рамки, также находятся в фокусе нашего внимания.

Цель статьи – выявить методологические основы для исследования цифровой дипломатии. Основная часть работы включает два раздела. Первый раздел рассматривает главные тренды в развитии цифровой дипломатии, а второй – расширяет дискуссию о методологии исследования нового феномена в системе международных отношений.

### *Цифровая дипломатия: новые тенденции*

Спектр воздействия цифровой дипломатии на зарубежное общество варьируется от влияния на выборы, смены политического режима до установления диалога, сотрудничества и распространения идей и ценностей. Сочетание стратегий «острой силы» (sharp power) и «мягкой силы» (soft power) является значимым в современной цифровой дипломатии, что подразумевает комбинирование жестких инструментов пропаганды и мягких инструментов для формирования диалога.

Критика политической жизни в зарубежной стране является распространенным способом для привлечения аудитории и расширения ее охвата и часто используется лидерами информационной деятельности – США, Россией, Францией, Германией, Ираном и Китаем. Самый показательный пример – токшоу Дж. Ассанджа (*The World Tomorrow*) на канале *Russia Today*, передача «Зоопарк» на канале *Deutsche Welle* и др., которые критикуют политические позиции лидеров стран Запада и России соответственно. Такие методы, как дискредитация отдельных лидеров или политических сил, распространение информации, которая не является мейнстримом и не освещается СМИ в целевых странах и пр., были известны задолго до эры цифровизации международных отношений. Однако скорость влияния, накал эмоций в цифровом измерении мобилизуют граждан за считанные дни и часы, что может изменить политическую реальность в целевом обществе очень быстро.

Обострение (амплификация) полярных мнений по политическим вопросам оказывает влияние на все политические силы и является значимым инструментом современной цифровой дипломатии. Так, в период президентской избирательной кампании в США 2016 г. появились цифровые проекты, которые фокусировались на вопросах, имеющих полярное понимание и оценку среди различ-

ных социальных и политических групп американского общества. Примером могут служить нашумевшие информационные кампании такого публика, как *Secured Borders* на платформе *Facebook*. Одна часть постов была посвящена необходимости защиты границ США от нелегальных иммигрантов, а другая – демонстрировала все тяготы и лишения тех, кто оказался нелегальным резидентом в США или был депортирован. Страница показывала две стороны проблемы, что привело к интенсификации ее обсуждения и уличным протестам<sup>1</sup>.

Продвижение хэштега, который раскрывает подробности проблемы, – еще один метод, который вошел в современный арсенал дипломатии. Значительную роль хештеги сыграли для мобилизации молодежи во время «арабской весны» и московских протестов в 2011 г. Они имеют важное значение в цифровой дипломатии разных стран. Например, твиты канала *RT*, хэштеги организации *WikiLeaks*, которые отражали проблемы политической жизни в США. В частности, хэштег *#podestaemails*, который продвигал содержание переписки команды Хилари Клинтон, распространил негативную информацию о кандидате от Демократической партии настолько широко, что администрация компании *Twitter* приняла решение о его удалении летом 2017 г.<sup>2</sup>

Взаимодействие с представителями различных политических взглядов в зарубежной стране является частью цифровой дипломатии. По заключению многих экспертов, уникальность российских каналов международного вещания состоит в том, что они притягивают к себе и сторонников правого лагеря, и радикальных демократов, и лидеров протестных движений, и либертарианцев, и пр. Эффективность месседжа в цифровой дипломатии достигается не путем ограничения целевой аудитории, например привлечением внимания только пролиберальной общественности, а наоборот, за счет максимального расширения политического спектра читателей, слушателей и зрителей. Правильное тегирование пользова-

---

<sup>1</sup>Undermining Democratic Institutions and Splintering NATO: Russian Disinformation Aims. Hearings at the Committee on Foreign Affairs, House of Representatives, March 9, 2017. P. 22 [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.house.gov/meetings/FA/FA00/20170309/105674/HHRG-115-FA00-Transcript-20170309.pdf> (дата обращения 10 янв. 2020).

<sup>2</sup>Edgett [Acting General Counsel, Twitter] Responses to Questions for the Record, Hearing Before the United States Senate Committee on The Judiciary Subcommittee on Crime and Terrorism. October 31, 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.judiciary.senate.gov/imo/media/doc/Edgett%20Responses.pdf> (дата обращения 10 янв. 2020).

телей и их фильтрация стали базовыми принципами современной цифровой дипломатии. Вплоть до 2018 г. социальные платформы предоставляли неограниченные возможности по поиску лидеров общественного мнения, их социальных связей и политических предпочтений, а встроенная реклама позволяла оказывать информационное давление на огромные группы населения.

Как следствие, современная цифровая дипломатия получила возможность осуществлять быструю мобилизацию граждан в отношении определенных ценностей. Причем сегодня это происходит не по поводу каких-то расплывчатых идей о позитивном образе государства, а вокруг совершенно конкретных проблем, обозначенных особыми хэштегами. Мобилизация определенных социальных групп в современной дипломатии осуществляется посредством создания отдельных пабликов и продвижения хэштегов.

Буквально несколько лет назад использование ботов – машинный способ распространения информации – критиковалось многими специалистами. После обсуждения возможностей применения искусственного интеллекта как средства для ведения переписки с пользователями и реакции на возможные негативные комментарии под постом в социальных сетях задействование ботов уже не является чем-то аморальным. Показателен пример внедрения технологических новинок в цифровую дипломатию США в 2017–2020 гг. Существенное влияние на ее развитие оказали американские расследования цифровой дипломатии России. Правительство США стало заявлять о применении тех же методов и механизмов, которые ранее подлежали осуждению<sup>3</sup>. Были созданы дополнительные отделы по анализу больших данных, использованию ботов, блокчейна и пр. для ведения информационных кампаний в сети Интернет и решения задач, таких как информационное противостояние с Россией в странах Балканского полуострова и Европы в целом [Tsvetkova 2019a].

### *Методология изучения цифровой дипломатии*

Цифровая дипломатия требует использования особых методов анализа. К самым распространенным и востребованным можно отнести следующие: анализ хэштега (hashtag tracking), сетевой

---

<sup>3</sup>The Public Diplomacy. The Presentation by the Under Secretary for Public Diplomacy Michelle Giuda, 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=b-fNH8idpus&t=864s> (дата обращения 25 янв. 2020).

анализ (network analysis), сентимент-анализ (sentiment analysis), анализ мнений и взглядов (opinion mining). Анализ хэштега предполагает ответы на вопросы о том, как развивается дискуссия по определенной теме, какие посты вызывают наибольший интерес и кто из участников обсуждения получает наибольшую популярность среди подписчиков. Сетевой анализ направлен на установление ключевых блогеров и каналов международного вещания, которые создают информационный дискурс. Сентимент-анализ, или анализ тона текста, оценивает реакцию пользователей на предлагаемые темы или информационные кампании, что способствует выявлению идентификации пользователей и их политической позиции. Наконец, анализ мнений пользователей заключается в работе с текстами и изучении часто употребляемых слов, терминов и эпитетов, что формирует знание о содержании постов и комментариев.

Данные методы применимы при использовании двух категорий компьютерного софта. В первом случае речь идет о готовых алгоритмах или программах, которые в последнее время широко представлены разработчиками в сети Интернет (например, Netlyrics, SocioViz, NVivo и др.). Но исследователи должны отдавать себе отчет, что это будет редуцированный анализ, основанный на так называемых «малых данных». Программы позволяют собрать только ограниченное число постов или твитов, от 3000 до 8000. Тем не менее с помощью подобных программ можно осуществлять все виды анализа и формировать визуализацию цифровых данных, что очень важно для понимания происходящих политических процессов.

Современные средства программирования дают возможность обработать «большие данные», т. е. собрать все посты, всех пользователей и набор всех реакций, а также осуществить полноценный контент-анализ комментариев относительно определенного вопроса. Например, при изучении информационной войны вокруг Сирии был произведен анализ больших данных по хэштегу «Сирия» на английском и арабском языках на платформе *Twitter*, а при помощи специально созданного программного алгоритма были собраны более 34 млн твитов и постов и осуществлена классификация наиболее популярных твитов за каждый месяц и самых влиятельных аккаунтов на платформе *Twitter*. Использование алгоритмов и больших данных существенно влияет на результаты исследования и понимание происходящих событий в другой стране. Анализ миллионов постов позволил определить место правительственных и частных аккаунтов среди лидеров общественного мнения в самой Сирии и на глобальном уровне. Оказалось, что определяющим образом на умы сирийских граждан в 2008–2018 гг. повлияли не западные и не российские каналы международного вещания и бло-

геры, а такой игрок, как Саудовская Аравия. Ее каналы международного вещания, а также многочисленная армия частных блогеров этой страны стали лидерами по формированию информационного и политического дискурса в Сирии.

Изучение цифровой дипломатии способствует объективному пониманию политических процессов и расстановки политических сил в другом государстве, что может оказать влияние на научные выводы о развитии международных отношений. Например, в 2018–2019 гг. в литературе было распространено мнение о значительной популярности самопровозглашенного президента Х. Гуайдо в Венесуэле и влиянии американской политики на ситуацию в стране. Однако анализ социальных сетей более чем 9 млн постов и твитов пользователей в Венесуэле показал совершенно иную картину. Во-первых, ни один из каналов международного вещания США, России, КНР и европейских стран не пользовался популярностью среди граждан Венесуэлы. Во-вторых, цифровая дипломатия действующего президента Н. Мадуро и его сторонников не уступала по своей креативности и популярности деятельности лидеров оппозиции, что сказывалось на расстановке политических сил в стране. Ни одна из сторон не была способна окончательно привлечь общественное мнение на свою сторону [Sytnik 2019, Tsvetkova, Kheifets, Sytnik, Tsvetkov 2019]).

Если говорить о теоретическом базисе обобщения эмпирических данных о цифровой дипломатии, то она может рассматриваться в рамках известных концепций «мягкой силы» или «острой силы». Сюда же можно отнести различный спектр концепций о коммуникационных технологиях, передаче и восприятии информации, что, несомненно, делает предмет исследования междисциплинарным.

Однако заслуживает внимания вопрос об использовании теорий международных отношений – реализма и конструктивизма, – которые являются наиболее релевантными для изучения цифровой дипломатии. Реализм позволяет исследователям понять цели национальной безопасности и внешней политики, которые ставятся, как правило, перед государственной цифровой дипломатией и меняют ее направление, показывают суть информационных кампаний. Несмотря на внешнюю демократичность социальных сетей, государство в настоящее время выступает основным актором, создателем новостей и повестки для интернет-аудитории. Только около 1 тыс. частных профайлов действующих президентов, премьер-министров, глав парламентов и пр., имеющихся на платформе *Twitter*, и около 700 одноименных аккаунтов на платформе *Facebook* распространяют информацию для 1 млрд своих читателей. Еще

сотни тысяч профайлов правительственных структур и связанных с ними блогеров, каналы международного вещания участников цифровой дипломатии направлены на осуществление информационных кампаний для достижения целей национальной безопасности и внешней политики.

Однако конструктивизм открывает перед исследователями совершенно новую глубину в изучении цифровой дипломатии, что, в свою очередь, может оказать влияние и на развитие самой конструктивистской теории. Анализ настроений пользователей, реакции и тона комментариев формируют базис для понимания идентичностей, ценностей и меняющихся предпочтений групп общества по конкретным политическим вопросам в отдельно взятой стране. Более того, использование методов конструктивизма позволяет сделать выводы о влиянии отдельных постов или информационных кампаний политической власти на ценностные ориентиры целевой аудитории.

Эти методы являются на сегодняшний момент одними из самых доступных для исследователей. Несомненно, в ближайшем будущем искусственный интеллект значительно повысит эффективность указанных способов анализа данных и его использования в изучении цифровизации международных отношений. Впрочем, на практике уже применяется так называемая *дипломатия данных* (data diplomacy), которая позволяет специалистам формировать стратегии цифровой дипломатии, составлять эффективные посты, месседжи и мгновенно определять источники дезинформации.

## *Заключение*

Начиная с 2018–2020 гг. цифровая дипломатия вступила в новый этап своего развития. Обработка больших данных и использование искусственного интеллекта для моментальной подготовки эффективных постов и контрмесседжей, формирования убедительных ответов на комментарии пользователей, поиска источников дезинформации и «троллей», выявления ключевых и эффективных блогеров и др. являются трендами 2020-х гг.

Цифровая дипломатия как предмет для научного исследования может быть рассмотрена через теории реализма и конструктивизма. Теория реализма объясняет логику проведения цифровой дипломатии государством с точки зрения его национальных приоритетов, а конструктивизм трактует поведение и ценности целевой аудитории и акторов данного вида дипломатии.

Вопрос о доступе к большим данным является ключевым для исследования этого феномена, поскольку они обеспечивают полноту

картины политической расстановки сил в социальных сетях. А такие методы, как анализ хэштега, сетевой анализ, сентимент-анализ, анализ мнений и взглядов (opinion mining), выступают главными инструментами изучения цифровой дипломатии.

## Литература

---

- Manor 2019 – *Manor I.* Digitalization of Public Diplomacy. L.: Palgrave Macmillan, 2019. 356 p.
- Nye 2018 – *Nye J.* How Sharp Power Threatens Soft Power [Электронный ресурс] // Foreign Affairs. 2018. Jan. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharp-power-threatens-soft-power> (дата обращения 10 янв. 2019).
- Sytnik 2019 – *Sytnik A.* Digitalization of Diplomacy in Global Politics on the Example of 2019 Venezuelan Presidential Crisis // Communications in Computer and Information Science. 2019. Vol. 1038. P. 187–196.
- Tsvetkova 2017 – *Tsvetkova N.* Soft Power and Public Diplomacy // Russia and the World: Understanding International Relations / Ed. by N. Tsvetkova. Lanham, New York, London: Roman & Littlefield, 2017. P. 231–251.
- Tsvetkova 2019a – *Tsvetkova N.* Dealing with a Resurgent Russia: Engagement and Deterrence in US International Broadcasting, 2013–2019 // Vestnik of St. Petersburg University. “International Relations” Series. 2019. Vol. 4. [В печати]
- Tsvetkova 2019b – *Tsvetkova N.* Russian Digital Diplomacy: A Rising Cyber Soft Power? // Russia’s Public Diplomacy: Evolution and Practice / Ed. by A. Velikaya and G. Simons. London, New York: Palgrave Macmillan, 2019. P. 103–117.
- Tsvetkova, Kheifets, Sytnik, Tsvetkov 2019 – *Tsvetkova N., Kheifets V., Sytnik A., Tsvetkov I.* Venezuela in U.S. Public Diplomacy, 1950s–2000s: The Cold War, Democratization, and the Digitalization of Politics // Cogent Social Sciences. 2019. Vol. 5. No. 1.

## References

---

- Manor, I. (2019), *Digitalization of Public Diplomacy*, Palgrave Macmillan, London, UK.
- Nye, J., Jr. (2018), “How Sharp Power Threatens Soft Power”, *Foreign Affairs*, Jan., [Online], available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharp-power-threatens-soft-power> (accessed 10 Jan. 2019).
- Sytnik, A. (2019), “Digitalization of Diplomacy in Global Politics on the example of 2019 Venezuelan Presidential Crisis”, *Communications in Computer and Information Science*, vol. 1038, pp. 187–196.
- Tsvetkova, N. (2017), “Soft Power and Public Diplomacy,” in Tsvetkova, N. (ed.), *Russia and the World: Understanding International Relations*. Roman & Littlefield, Lanham, New York, London, pp. 231–251.

- Tsvetkova, N. (2019a), "Dealing with a Resurgent Russia: Engagement and Deterrence in US International Broadcasting, 2013–2019," *Vestnik of St. Petersburg University, "International Relations" Series*, vol. 4 (forthcoming).
- Tsvetkova, N. (2019b), "Russian Digital Diplomacy: A Rising Cyber Soft Power?", in Velikaya A. and Simons G. (eds.), *Russia's Public Diplomacy: Evolution and Practice*. Palgrave Macmillan, London, New York, pp. 103-117.
- Tsvetkova, N., Kheifets, V., Sytnik, A. and Tsvetkov, I. (2019), "Venezuela in U.S. Public diplomacy, 1950s–2000s: The Cold War, Democratization, and the Digitalization of Politics", *Cogent Social Sciences*, vol. 5, no. 1.

### *Информация об авторе*

*Наталья А. Цветкова*, доктор исторических наук, доктор философии в области социальных наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 191060, Россия, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3; n.tsvetkova@spbu.ru

### *Information about author*

*Natal'ya A. Tsvetkova*, Dr. of Sci. (History), Ph.D. in Social and Behavioral Studies, professor, St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; bld. 1/3, Smol'nyi Street, Saint Petersburg, Russia, 191060; n.tsvetkova@spbu.ru